

Глава 2 · ВЗГЛЯД В ГЛУБИНУ ВЕКОВ

Как и почему возник Шелковый путь

Ярким символом связей между Востоком и Западом, уходящих в глубь веков, можно назвать Великий шелковый путь. Возникновение этой трансконтинентальной дороги стало логическим продолжением торговых, культурных и духовных контактов, существовавших тысячелетиями ранее.

Еще первые цивилизации и ранние государственные объединения, возникавшие в эпоху энеолита и бронзы, стремились к расширению занимаемого ими пространства. В их состав включаются крито-микенская, египетская, месопотамская, луристанская территории, культуры Южного и Северного Кавказа, намазгинская — на юге Средней Азии, харапские долины Инда, иньская цивилизация Китая¹. Торговые операции в это время осуществлялись на территориях протяженностью в несколько тысяч километров. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования ученых.

Города-государства («номы»), созданные шумерами и древними египтянами около 3300 г. до н.э., развивали широкие торговые связи и проводили колонизационную политику в отношении соседей, в частности Элама, который также расширял сферу своего влияния. Это подтверждают находки археологов в поселениях за тысячи километров на северо-запад от самого Элама. Поток культурных влияний шел на юг и юго-запад из Южного Туркменистана, где существовала высокоразвитая культура Намазга. Изделия ее древних мастеров обнаружены в Шахри-Сохта на границе с Афганистаном, в поселениях Ношаро и Сибири в Пакистане².

¹ Ртвеладзе Э. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999. С. 12–15.

² Херрманн Й., Цюрех Э. (Отв. ред.) История человечества. Т. II. М., 2003. С. 33–40.

В первой половине III-го тысячелетия до н.э. активно контактировали с внешним миром и представители одной из великих культур Древнего Востока — Харappy из долины Инда. О том, что они освоили долгий путь через Хайберский перевал, говорят результаты раскопок шести поселений в Северном Афганистане в долине Амударьи, при впадении в нее реки Кокча. Исследователи предполагают, что здесь находились Харappские колонии для разработки месторождений бадахшанского лазурита — высоко ценившегося в те времена полудрагоценного камня. Наиболее ранние находки изделий из лазурита, основные месторождения которого были в Бадахшане, обнаружены в Средней и Передней Азии, Иране, Месопотамии и Египте и относятся к IV—III тысячелетиям до н.э. Картографирование мест этих находок привело ученых к выводу о наличии Великого лазуритового пути¹.

Известно, что уже в III тысячелетии существовали пути из Месопотамии и Элама в долину Инда и предгорья Памира, откуда в страны Ближнего Востока перевозился лазурит. Путь от Бадахшана на Запад шел к городам Двуречья — Уру, Уруку, Кишу, Лагашу. Державшие в своих руках торговлю между Двуречьем и культурными центрами долины Инда эламиты в IV—III тысячелетиях до н.э. создали на Среднем Востоке разветвленную сеть коммуникаций с системой узловых центров раннегородского типа. Это был южный путь. В северном же направлении один из маршрутов достигал Приаралья в пределах будущего Хорезма. Предполагается, что поставки лазурита через этот район осуществлялись в Центральный Казахстан и в Ферганский и Ташкентский оазисы. Возможно, что роль посредников в этих контактах выполняли племена кочевников-животноводов, которые во второй половине II тысячелетия до н.э. стали втягиваться в систему товарообмена между областями Средней Азии, Южной Сибири и Приуралья. Так кочевые племена становились звеньями «лазуритовой цепи»².

Параллельно в древности функционировал и «нефритовый» путь. В литературе упоминается несколько месторождений нефрита, откуда этот камень поступал в Китай. Главные среди них — в Прибайкалье и Восточных Саянах (в этом случае путь должен был пролегать через монгольские степи), а также хотанское месторождение в верхнем течении реки Яркенд. В Китае нефрит очень ценился и использовался

¹ Херрманн Й., Цюрех Э. (Отв. ред.) История человечества. Т. II. М., 2003. С. 44.

² Durant W. Our Oriental Heritage. N.Y., 1950. PP. 112–114.

главным образом для изготовления ритуальных и магических предметов.

С древности нити товарообмена протягиваются от Восточной Азии к регионам Центральной, Средней и Юго-Восточной Азии. Уже в середине II тысячелетия до н.э. шелк через Восточный Туркестан проникает на территорию Средней Азии, а в конце этого тысячелетия появляется в Северной Индии. Кроме того, опосредованные торговые связи между Востоком и Западом способствовали распространению изделий из стекла, центр производства которых в это время находился в Восточном Средиземноморье¹.

Таким образом, уже в III—II тысячелетиях до н.э. складываются системы сухопутных дорог и морских путей, которые связывали между собой самые отдаленные культуры и цивилизации в обширном регионе Среднего Востока, простиравшегося от равнин Месопотамии до долины Инда и от пустынь Средней Азии до Аравийского моря. Именно они в последующем стали одними из основных трасс Великого шелкового пути.

Расширение торговых контактов повлекло за собой миграцию населения, несшего свои обычаи и мировоззрение, которые отразились в памятниках культовой обрядности, в ремеслах и ювелирном искусстве. Миграционные потоки способствовали глобальным изменениям этнической карты Евразии.

В конце первой половины I тысячелетия до н.э. появляется мировая империя — Ахеменидская, простиравшаяся от Индии и Средней Азии до Греции и Египта. Она впервые объединила территории, расположенные в трех частях света — в Азии, Европе и Африке, что сказалось на дальнейшем торговом и культурном взаимодействии живших здесь народов. Ахеменидские правители много внимания уделяли развитию торговли. В империи Ахеменидов впервые были созданы государственные пути сообщения протяженностью более 2400 км — так называемая «царская дорога», которая начиналась в Малой Азии и шла в Иран. Из Египта и Сирии вывозились квасцы для отбелики шерсти и производства стекла. Египет поставлял золото и слоновую кость, Ливия — кедровое дерево. В Малой Азии купцов интересовали медь, олово, строительный лес и полудрагоценные камни. Согдиана славилась лазуритом, а Хорезм — бирюзой².

¹ Schneider H. History of World Civilisation. N.Y., 1996. PP. 74—76.

² Childe V. G. The Most Ancient East. L., 1996. PP. 101—103.

К V в. до н.э. усиливает свой экономический и политический потенциал античная Греция. Греческие колонии в Крыму и Малой Азии вплоть до Кавказа стали своеобразными форпостами в европейско-ближневосточной торговле. Процесс развития взаимосвязей еще более углубился благодаря походам Александра Македонского. На рубеже двух эр обширные пространства от Тихого до Атлантического океана слились в единый пояс культурных цивилизаций и государств.

Возникновение именно в это время Великого шелкового пути было обусловлено историческими предпосылками. Необходимость создания трансконтинентальной дороги диктовалась сложившимися обстоятельствами и была подготовлена всем ходом развития политических, этнических, экономических и культурных достижений народов Евразии.

Особенно испещренной караванными путями была Центральная Азия. Этот регион пересекали десятки торговых маршрутов. На протяжении тысячелетий здесь происходили важнейшие этнические процессы, активное взаимодействие культур, осуществлялись масштабные торговые операции, заключались дипломатические договоры и военные союзы. Народам этого региона принадлежит выдающаяся роль в распространении буквенного письма и мировых религий, многих культурных и технических достижений. С незапамятных времен в Центральной Азии соседствовали различные цивилизации — буддийская, иудейская, мусульманская, христианская и более древние, которые дополняли и обогащали друг друга.

Геродот рассказывает об огромном маршруте от восточных берегов Азовского моря в Центральную Азию¹. Детальная информация о среднеазиатско-иранских дорогах и их ответвлениях в Афганистан и Индию содержится в «Географии» Эратосфена. В Среднюю Азию можно было попасть и из Аравии. С самой юго-западной оконечности Аравийского полуострова поднималась в Сирию так называемая «дорога благовоний».

Важное место в процессе древнего международного общения занимал и Кавказ. Эратосфен говорит о дороге через Колхиду в Южный Прикаспий и далее на территорию Средней Азии и нынешнего Афганистана, о пути к Сырдарье из земель кавказских народов, тоже огибавшем с юга Каспийское море.

Растущий спрос на товары требовал подготовки больших караванов, что, в свою очередь, вынуждало изучать будущие маршруты. Возникла

¹ Herodotus. Histories. L., 1901. PP. 66–72.

потребность в своеобразных путеводителях с описанием сроков, расстояния и условий переходов по разным участкам пути. В результате появилось большое количество географических «справочников» и «дорожников», а в дальнейшем — и карт.

Так что же знал античный мир об азиатском Востоке на рубеже VI—V вв. до н.э.? Гекатею Милетскому известны Малая Азия, Аравийский полуостров, Месопотамия, Западная Индия. К северо-востоку от нее он помещает крайних обитателей Земли — исседонов, кочевой народ, занимавший территории у восточных отрогов Памира. За исседонами, по мнению историка, находится уже бескрайний, охватывающий мир океан¹. У «отца истории» Геродота первый народ у восхода солнца — индийцы, за ними — необитаемые пространства: «восточнее Индии простираются пески и пустыня» и «никто не может сказать, какова она»². Учителем Александра Македонского, объявившего о намерении завоевать весь Восток, был великий Аристотель. По его мнению, восточные пределы мира таковы: Средняя Азия, Северо-Западная и Западная Индия, а крайней точкой на востоке Азии является гора Парнас. Дальше суша кончается и начинается необозримый океан. О существовании Китая пока не знал никто³.

Тем не менее, как считает ряд ученых, ближневосточный и античный мир был знаком с китайским шелком еще задолго до походов Александра Македонского. К примеру, К. Леман-Хаупт исследовал ткань, найденную при раскопках урартской крепости Топрак-кола, которая была разрушена в 585 г. до н.э., и сделал вывод о ее китайском происхождении. К IV в. до н.э. греки, вероятно, имели представление об изготовлении шелковых тканей. Одежания Медеи, описанные Геродотом и Ксенофонтом, как полагают современные исследователи, были сделаны из шелка гусениц диких шелкопрядов, сорта которого были известны в Индии в VI—IV вв. до н.э.⁴

В то время территорию Евразии пронизывало множество трансазиатских маршрутов. Существовали и морские пути. Улучшение техники навигации позволяло купцам совершать отдаленные морские путешествия. Строительство портов способствовало созданию эффективной инфраструктуры международной торговли. Историко-культурный коридор

¹ Lippert J. *Evolution of Culture*. N.Y., 1961. PP. 203—206.

² Herodotus. *Op. cit.* PP. 101—103.

³ Boas F. *Anthropology and Modern Life*. N.Y., 1974. PP. 115—117.

⁴ Wilson A. *World History*. San Francisco, 2004. P. 133.

международного общения от Черного и Средиземного морей до Китая, который впоследствии будет назван Великим шелковым путем, в III—II вв. до н.э. в принципе был почти готов. Оставалось открыть лишь «китайскую дверь», что и не преминули сделать сами китайцы. В остальном же, пока еще замкнутый с востока Памиром, Тянь-Шанем и Гималаями, он активно действовал.

Первооткрывателем западных земель для китайцев стал дипломат Чжан Цзян. Активная завоевательная политика императора У Ди (перевод храмового имени которого означал «воинственный император») была нацелена на расширение сфер влияния Китайского государства во всех направлениях. Ее историческим следствием стало органическое включение Китая в культурно-экономическую структуру Евразии. В китайских источниках III в. н.э. фигурируют три основные дороги на запад — Южная, Средняя и Северная. Южная шла от Яркенда к Ташкунгану, оттуда — в Вахан. Затем она разветвлялась (один путь был на запад — в Балх и Мерв, в Ктесифон и далее по старой ахеменидской дороге в Сирию через торговые фактории Северной Месопотамии, второй пролегал на юг, к Кашмиру, достигая устья Инда и выходя на побережье Индийского океана, откуда товары отправлялись уже морским путем). Средняя дорога была главной коммуникацией, связывавшей Китай с Ферганской долиной и Согдианой. Северная — начиналась в Турфанском оазисе и, следуя вдоль Тянь-Шаня, достигала районов Нижней Волги и Приуралья¹.

Эти три основные магистрали и легли в основу сети дорог Великого шелкового пути. В I—II вв. н.э. впервые в истории возникла макрополитическая система, которая охватила всю цивилизованную полосу Старого Света. Образовался «квартет четырех империй древности»: Римской, Парфянской, Кушанской (большая часть Средней Азии, Афганистана и Индостана) и Китайской. Необходимо отметить, что и в периоды жесткого военного противоборства между странами Шелкового пути стороны конфликта из соображений собственной выгоды не допускали его воздействия на ход международной торговли. Караваны шли по дорогам, изолированным от театра военных действий. Так же поступали и во время сезонно-климатических осложнений, что в целом обеспечивало бесперебойный «режим работы» системы.

Некоторые исследователи родиной шелководства считают провинцию Шаньдун, которая уже в 2255 г. до н.э. платила китайскому императору

¹ Симоновская Л. В., Юрьев М. Ф. История Китая. М., 1974. С. 19—20.

дань шелковыми тканями. Затем оно постепенно распространилось по всему Китаю, а особенно широкое развитие получило во второй половине I тысячелетия до н.э., когда из шелка изготавливали деньги, ткани, им рассчитывались при торговых сделках¹.

На Западе шелк ценился наравне с золотом и оставался очень редкой и дорогой продукцией. По хроникам, римский император был единственным римлянином, который носил одежду из чистого шелка. Население называло китайцев просто «шелковый народ» («серес»), а столица ханьской династии была известна под названием Шелковый город².

В Риме шелковые ткани богатые люди стали носить уже в 46 г. до н.э., но еще ряд столетий шелк являлся привозным товаром. В ряде приморских городов существовали многочисленные ткацкие мастерские, где делали из него ткани. В V в. они появились и в Александрии. В Иране производство началось при сасанидском шахе Шапуре II (309—379 гг.) Но все эти мастерские работали на шелке-сырце, который, по некоторым данным, доставлялся из Индии и Цейлона по морской трассе Великого шелкового пути или сухопутными дорогами из Средней Азии в Иран.

О том, как культура шелководства проникла в Византию, рассказывают письменные источники. Так, согласно записям византийского историка Прокопиуса, по приказу императора Юстиниана I (527—565) два христианских монаха тайком провезли в гнездах, выдолбленных в посохах, яйца шелковичных червей. Ведь вывоз грены в Китае считался преступлением, которое каралось смертной казнью. С того времени в Византии возникает собственное производство шелка, а отсюда — проникает в южные районы Средиземноморья.

В других странах оно распространилось гораздо позже, хотя этот процесс также шел по трансконтинентальной дороге. С созданием в Средней Азии, Иране и странах Средиземноморья собственной шелковой промышленности как бы завершается первая важнейшая стадия формирования Великого шелкового пути. В последующем его значение определяли уже другие товары и ценности.

Впервые же термин «Великий шелковый путь» употребил в 1877 г. известный немецкий ученый Фердинанд Пауль Рихтгофен в своем классическом научном труде «Китай».

¹ Лу Инчжи. Китай. Пекин, 2003. С. 39—41.

² Smith E. Human History. N.Y., 1979.

К первым столетиям нашей эры экономические связи между западными и восточными цивилизациями перестают быть спонтанными, подчиняясь логике политических и торговых расчетов.

Международная торговля становится делом государства. К примеру, в Китае во время правления династии Вэй (220—265 гг.) наплыв иностранных купцов вынудил принять ряд мер. Так, каждый из них обязан был получить паспорт-разрешение, где, помимо его имени, указывались страна, откуда он прибыл, пункт назначения, перевозимые товары, а также сопровождающие лица.

В III—IV вв. н.э. в системе дорог Шелкового пути происходят значительные изменения. Так, в Китае в период «шестнадцати династий» усилилась роль Синина как важного торгового и транзитного центра, лежавшего на пересечении Тяньдукоуской и Тууюхуньской дорог. Торговля, очевидно, велась с большим размахом. К примеру, в 553 г. местный чиновник захватил возвращавшийся по Тууюхуньской дороге караван, в котором, как сообщают источники, 240 западных купцов на 600 верблюдах и ослах везли 10 тысяч кусков различных узорных и гладких шелковых тканей.

Надо отметить, что археологи обнаружили в Синине большое количество сасанидских и византийских монет. Отчеканенные из драгоценных металлов, они восполняли нехватку золота и серебра в денежном обращении Восточного Туркестана и Западного Китая, где широко употреблялись при различных торговых операциях.

Период, охватывающий примерно полтора столетия (VII — первая половина VIII вв.), можно считать периодом расцвета Великого шелкового пути, когда экономические и культурные связи Китая со странами западного мира достигли своего пика. Активная торговая деятельность разворачивалась на Средней дороге, проходившей через Согд и низовья Волги до Северного Кавказа и далее в Византию. Усилилось движение и по труднопроходимой дороге, идущей из Восточного Туркестана через Цайдам, Тибет, Непал в Индию.

Новые изменения в системе международных связей отмечаются в середине VIII в. В Таласской битве китайцы потерпели сокрушительное поражение от войск Арабского халифата. В результате западная часть Шелкового пути перешла под арабское влияние. А весь центральный участок трассы попал под тибетский контроль. Последствием этого стало возобновление движения по старой дороге кочевников, связывающей

Синьцзян с Северной Монголией. Путь получил название «хуйху лу» — уйгурская дорога.

Он пролегал из Бэйтина (Бешбалык) к озеру Баркуль и далее на северо-восток к столице каганата Харабалгас. Южный вариант Уйгурского пути назывался «фэн лу» — дорога ветров. Продолжал действовать и Кыргызский путь¹.

Повсеместно китайские товары ценились необыкновенно, им приписывали волшебные свойства. Существовали даже особые «дипломатические» приемы, когда за шелк покупали мир и заключали союзы. Из Китая вывозили в основном шелк, фарфор и различные украшения, ввозили же всякие незнакомые китайцам диковины: ковры, драгоценную посуду, экзотических животных, слоновую кость, ценные породы дерева, меха, цветное стекло, ювелирные изделия, предметы роскоши, а также рабов — факиров, фокусников, танцоров. Благодаря торговле на Великом шелковом пути китайцам стали известны такие рабочие животные, как ослы, мулы и верблюды. По нему в Китай попал хлопок, ценившийся столь же высоко, как и шелк у европейцев. При этом в древнем Риме существовало представление о том, что шелк изготавливают из пуха, собранного с деревьев, а китайцы думали, что хлопок делают из шерсти баранов, растущих на деревьях². С развитием торговых связей в Китае стали появляться новые материалы, среди которых можно назвать лен, и новые технологии — обработка шерсти и ковровое производство.

В орбиту международных контактов постепенно включилась и Япония. С VI в. японский путь на запад начинался в Осаке. Две большие коллекции шелков были найдены в монастыре Хоруджи и императорской сокровищнице в Шосоине (город Нара). Японские авторы полагают, что Шосоин был конечным пунктом назначения Великого шелкового пути.

* * *

Если взглянуть на евразийскую трассу со стороны запада, то видно, что одной из возможных альтернатив другим ее дорогам была черноморско-

¹ Херрманн Й., Цюрхер Э. (Отв. ред.). История человечества. Т. III. М., 2003. С. 474–476.

² Бао Динь (Отв. ред.) Великий шелковый путь (на китайском яз.). Пекин, 2001. С. 9–50.

северокаспийская магистраль. Есть основания полагать, что римская политика утверждения господства в Армении, Иберии и Кавказской Албании ставила целью сохранять контроль за северным транзитным путем через Каспийское море. Владея акваторией Черного моря, Рим делал все возможное, чтобы закрепиться на Кавказе. Это давало не только политические, но и экономические выгоды, избавляя западных купцов от обременительной финансовой опеки посредников при выходе на среднеазиатские рынки.

На Кавказе в то время существовало два основных пути — через Дарьяльское ущелье (по современной Военно-Грузинской дороге) и очень удобный проход через Дербент. В 80-х годах IV века н.э. Южный Кавказ был поделен между Ираном и Римом на сферы влияния. Сасаниды установили контроль над западным Прикаспием. Уже в V в. Иран, защищаясь от набегов кочевников, начинает строительство мощных оборонительных сооружений в Дербенте¹.

Аналогичная причина защиты от варварских германских племен заставляла Римское государство предпринимать сходные усилия в северо-западном и северном Причерноморье.

Нельзя не отметить роль Кавказского региона в развитии великой межконтинентальной трассы. Связи стран Центральной и Западной Азии с народами Европы осуществлялись через территории Кавказа, Армении и Грузии еще до нашей эры. Впоследствии, во время греческой колонизации района Черного моря — во времена Гомера и Золотого Руна, — торговые контакты усиливаются.

О торговых путях, существовавших в древней Грузии, рассказывают авторы Греции и Рима. Так, в описаниях царства Картли (Кавказская Иберия) греческий географ Страбон (60-е гг. до н.э. — 20-е гг. н.э.) пишет в своей знаменитой «Географии», что один из путей шел в столицу Иберии Митсхету — от Черного моря, вверх по течению Фазиса (река Риони) через крепость Сарапанис (современный Шорапани). Он утверждает, что на Фазисе действовало 120 мостов². Другой исторический маршрут в Иберию пролегал из Кавказской Албании (нынешний Азербайджан и территории рядом с ним). Дорога пробивалась через скалы и затем пересекала заболоченные местности, которые возникли в результате разливов реки Алазонис (Алазани).

¹ Ghirshman R. *Iran, Parthians and Sassanians*. L., 1999. PP. 105–115.

² По Seymour T. D. *The Life in the Homeric Age*. N.Y., 2000. P. 260.

Страбон говорит также о третьей дороге. Она объединяла Армению и Кавказскую Албанию, пересекая Мтквари (река Кура).

Существовал и четвертый путь, что подтверждают другие авторы. Он шел из северных кочевых стран через Дарьял или Аланские Ворота к столице Иберии. Все эти исторические трассы сходились в Митскхете. Из них основным торговым путем международного значения был тот, который, согласно Страбону, шел в Иберию и Колхиду из Индии и Китая. Византийские королевы грузинского происхождения — представительницы царской династии Багратионов — так же, как и имеющие грузинские корни некоторые полководцы Константинополя, были заинтересованы в развитии этого пути на всем его протяжении¹.

Тысячелетиями Великий шелковый путь был одновременно и военной дорогой. К примеру, известный торговый маршрут на Южном Кавказе использовал в 65 г. до н.э. в своем походе римский полководец Помпей. И это не было случайностью, так как Помпей хорошо знал о стратегическом значении торговой трассы, особенно Дарьяльского ущелья, для блокирования кавказских перевалов в целях защиты от набегов северных кочевников.

С Кавказом, как свидетельствуют исторические документы V в., самые широкие контакты имели и дальние народы. Так, в Фазис приезжали торговцы из 60 различных стран, включая «варваров из Индии и Бактрии».

Велика была и роль Армении в развитии системы дорог Шелкового пути. Коммуникационная сеть Армянского нагорья, сложившаяся за тысячелетия продуктивных связей с соседними регионами и, в частности, с территориями Иранского плато, обеспечивала непосредственный контакт с межконтинентальной трассой. Еще за века до ее открытия Экбатана, ставшая впоследствии одним из узловых центров Пути, активно взаимодействовала с армянскими городами Араратской долины и бассейна Ванского озера. Об этом говорит и то, что большая часть обнаруженных при раскопках в Армении парфянских монет была выпущена экбатанским монетным двором. Существуют письменные данные о транзитной торговле армян индийскими товарами, основании за пределами царства, на трансасиатских магистральных армянских «эмпориев».

В дальнейшем участие Армении в торговых контактах расширяется еще больше. На это указывают, к примеру, находки в армянских средневековых городах разнообразной восточной и, в том числе,

¹ Seymour T. D. Op. cit. P. 272–275.

китайской продукции — изделий из металла, керамики, фарфора, шелка. Непосредственно с этим процессом связано и распространение в VII в. в Армении шелководства и шелкопрядения. Из обширного перечня источников, где говорится об активном вовлечении армянских торговых центров и дорог в систему Шелкового пути, можно упомянуть путевые заметки иранца Насир-и-Хусрау (XI в.), фламандца Рубрука или венецианца Марко Поло (XIII в.)¹ Характерно, что уже в раннем средневековье путешествие из Армении по Великой трассе стало делом настолько обычным, что местный математик и географ Анания Ширакаци (VII в.) ввел в свой школьный учебник арифметики задачи по вычислению расстояния от Двина до Балха. В XIII в. армянские купцы владели торговыми базами в Восточном Китае².

Возможно, что в древности деятельными участниками торговых связей в регионе и посредниками в них были ираноязычные сарматские племена, занимавшие ведущее положение на большой территории степей от Приаралья до Дона. Роль степной Евразии в мировой истории до недавнего времени принижалась. Очевидно, это произошло потому, что скифо-сибирский мир не воспринимался как активное историческое образование, как единство и цивилизация, охватывающая степное пространство от бассейна Дуная на западе до Центральной Азии и Ордоса на востоке. Вместе с тем, на рубеже эр значительно усилилось влияние кочевых обществ гунно-сарматской эпохи на события евразийской истории. В контактных зонах сложились разные отношения. Устойчивыми, экономически и политически сбалансированными они были между эллинским и скифским мирами в Причерноморье. Памятники скифской эпохи уходят далеко на юг, охватывая огромную территорию, включая степную часть Маньчжурии, всю внутреннюю, восточную и центральную Монголию, Синьцзян.

Одержав победы над аланами к концу IV в., гунны распространяют свою власть на северное Причерноморье, а к середине V столетия уже угрожают обеим Римским империям, приведя свои войска в Галлию и Италию. После смерти Атиллы в 453 г. гунны отходят из Центральной Европы в Приазовье. Вполне возможно, что контроль над международными торговыми путями являлся одним из источников политической власти и влияния в Великой Степи.

¹ Hart H. Venetian Adventurer Messer Marko Polo. San Francisco, 1999. PP. 100–103.

² Григорян Г.М. Род Орбеляков и история Сюниса. М., 2004. С. 38–40.

К середине VI в. на этих просторах утверждается власть тюркоязычного народа тюркютов. Затем их владения распространились на всю Центральную Азию от Маньчжурии до Керченского пролива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи.

Тюркский каганат ведет борьбу за контроль над торговыми путями, связывающими Дальний Восток со Средиземноморьем. В конце концов, впервые в истории он объединяет в рамках одного государства практически всю территорию евразийских степей, а также области древних оседлых цивилизаций — Согд и Бухару, которые являлись ключевыми звеньями на трассе Великого шелкового пути. С помощью согдийских купцов тюрки становятся партнерами Византии в создании бесперебойной трансевразийской торговли¹.

Индийские лингвисты доказали, что в различных диалектах Индостана термины, образованные от этнического имени «согдиец», связаны с понятием «торговец». Согдийцы устраивали в разных городах ежемесячные ярмарки, которые длились по семь дней. Характерно, что многие населенные пункты в Центральной Азии и по сей день носят названия дней недели, в которые там обычно бывали ярмарки.

В V столетии культура шелководства достигает Мерва. Складывается и школа шелкоткачества в Согде. Это послужило для согдийцев стимулом поиска рынков сбыта своей продукции, которые выполняли ведущую роль в посреднической торговле с Китаем.

К началу VII в. Тюркский каганат распадается. Это было вызвано тем, что правители китайской династии Тан пересмотрели свою политику в отношении каганата. И если Ли Юань еще платил тюркам дань, то при Ли Шимине в 628–630 гг. был осуществлен грандиозный поход против них. Проведение этой акции обосновывалось стремлением китайских властей вернуть утраченное влияние на Шелковом пути. Вдоль всей Дороги вплоть до Урумчи были построены укрепления, где разместились гарнизоны танских солдат².

С другой стороны, динамика торговых контактов стала определяться к этому времени утверждающейся мусульманской цивилизацией. Распространив свою власть от Пиренеев до Средней Азии, мусульмане перехватывают торговую инициативу у христианских государств. Вместе

¹ Мохаммад Салмаси-Заде. Историческая география одним взглядом (на персидском языке). Тегеран, 2004. С. 40–48.

² Лю Минтин. Китай и каганат (на китайском языке). Шанхай, 2003. С. 54–58.

с тем, возрастает и роль Константинополя как посредника между Европой и мусульманским Ближним Востоком.

Несколько меняется ассортимент товаров, перевозимых по дорогам Шелкового пути. Помимо традиционных шелка, фарфора, чая, лаковых изделий, рабов и мехов, все большее распространение получают такие товары, как хлопок, металлы, ковры, в том числе среднеазиатского производства. Развивается торговля Мавороуннахра и Хорасана с Волжской Булгарией. К ней путь вел по Амударье, выходя затем на Русь, и далее, через Новгород, к Балтийскому региону. Возрос интерес к северным маршрутам, откуда поставлялась ценная пушнина. В Китае бытовало даже название «Меховой путь». И на азиатских, и на европейских рынках самым большим спросом пользовался соболь, особенно черного цвета. Роль Северной трассы Великого шелкового пути была весьма значительна.

Узловое положение в межконтинентальных связях в первой половине — середине I тысячелетия н.э. занимают государства Средней Азии. Это было обусловлено тем, что регион находился в зоне воздействия трех цивилизационных систем — антично-христианской, индуистско-буддийской и китайско-конфуцианской. Высокая интенсивность контактов проявляла себя не только в активном обмене товарами, но и информацией, насыщенностью культурных и экономических отношений. Однако такая «открытость» создавала угрозу уязвимости для вторжений с разных сторон. С древности до средневековья народам Средней Азии пришлось пережить множество нашествий. С запада нападали греко-македонцы, Ахемениды, Сасаниды, арабы, с севера — юэчжи, гунны, тюрки, с востока — китайцы и монголы. Все это препятствовало созданию здесь долговечных государств, наподобие римского, китайского или византийского.

Восток и Запад учатся друг у друга

Международное общение Востока и Запада первоначально развивалось на основе политических интересов и торговли. Однако, неся с собой элементы быта, традиций и культуры своих стран, купцы, возможно, сами того не ведая, становились послами доброй воли и миссионерами духовности в различных государствах мира. Вместе с ними

продвигались и древние путешественники, жаждущие новых знаний и ощущений, пилигримы, приверженцы различных религий.

Великий шелковый путь сыграл огромную роль в развитии человеческой цивилизации и имеет уникальную культурную ценность. Благодаря существованию межконтинентальной трассы произошло грандиозное, одно из самых быстрых в мировой истории, взаимопроникновение культур разных народов, расширение пространства международного общения. Шел обмен знаниями, технологиями, художественными приемами, философиями, верованиями. Об этом мы узнаем не только из древних хроник и находок археологов. Влияние, которое оказал Великий шелковый путь на сближение различных цивилизационных потоков, ощущается и сегодня. Часто можно столкнуться с наличием многих родственных черт в культуре народов, географически удаленных друг от друга на тысячи километров, и это уже не вызывает удивления. На протяжении столетий шел интенсивный процесс диалога культур, не прекратившийся и поныне.

Важную роль в накоплении, преобразовании и передаче различных культурных достижений между Востоком и Западом сыграл регион Центральной Азии в силу своего расположения на перекрестке основных торговых маршрутов. Собственно, во многом именно поэтому он был очагом, где зарождались и гибли великие цивилизации древности, а на их месте появлялись новые, перенимавшие опыт и знания предыдущих поколений. Древняя культура народов региона постоянно испытывала влияния извне и, одновременно, влияла не только на сопредельные, но и более отдаленные страны. Уже в III—II тысячелетиях до н.э. местное оседлое земледельческое население имело разнообразные контакты, в том числе и культурные, с областями Ирана и Индии. Центральная Азия выполняла функцию уникального связующего звена между Средиземноморьем, Передней Азией, Индией и Китаем, что способствовало интенсивному обмену информацией и передовыми достижениями — как техническими и хозяйственными, так и в области менее материальной. Затронуло это не только сферу обращения товаров и денег, но и письменность, изобразительное искусство, музыкальную культуру, религию, служило развитию науки и духовности.

В качестве примера обменных связей населения долины Мургаба с племенами низовий Амударьи можно привести найденные в долине бусы из раковин моллюсков, происходящих из дельты этой реки и Аральского моря. О существовании более далеких контактов свидетельствуют

мелкие раковины из Индийского океана и бусины из бадахшанского лазурита, найденные в Тахирбайском районе. Их подтверждением служат и находки иноземной керамики времен степной бронзы у Тахтабазара, Имам-Баба, Карабиля, и посуда ахеменидского периода у колодца Алчинкую, а также археологические раскопки древнейших поселений Северного Афганистана. При скудости или отсутствии письменных источников именно археологические данные приобретают особое значение. Тесную связь роста оседлых поселений и дорог Шелкового пути показывает районирование памятников, найденных в ходе раскопок. Формированию дорог послужила концентрация в отдельных районах строительных материалов (дерева, камня), источников сырья (вулканических пород для изготовления орудий труда), полудрагоценных камней (лазурита), меди, железа, золота.

В VI—IV вв. до н.э., во времена Ахеменидов, основные пути юга Центральной Азии стали более интенсивно использоваться в целях транзитного сообщения. По предположению исследователей, через территорию Бактрии в главные города Ахеменидской державы поступало сибирское золото. Изделия же мастеров из Передней Азии были обнаружены в Пазырыкских курганах Алтая. На юге Центральной Азии найдены материалы неместного происхождения — раковины-каури, изделия из слоновой кости, ахеменидские монеты, которые попали в регион благодаря торговым связям¹.

Наряду с горными дорогами, интенсивно использовались маршруты, проходившие через степи и пустыни — очевидно, от Гиндукуша до Керки в низовья Кашкадарьи и Бухарский оазис; на север по течению Мургаба и вдоль Амударьи; из низовий Мургаба в Приаралье, долину Кашкадарьи и Зарафшана. На степных дорогах, как правило, располагались стоянки скотоводов, что подтверждается находками грубой лепной керамики. Использование степных и горных дорог чередовалось в зависимости от сезона. Уже в эпоху бронзы эти пути служили целям расширения не только ареалов обитания земледельцев и скотоводов, но все чаще — экономических и культурных связей.

Удачно проложенные еще в глубокой древности маршруты продолжают успешно выполнять свое предназначение и в последующие эпохи. К одному из них можно отнести южный караванный путь, ведущий из Согда через Уструшану в Ходжент, Фергану и далее в Китай. Самым

¹ Литвинский Б. А. Канзюйско-сарманитский фарн. Душанбе, 1968. С. 114—116.

крупным и изученным пунктом на этом пути является городище Нуртепа, общая площадь которого составляет 18 гектаров. В период ранней античности здесь уже сложилось крупное поселение городского типа с соответствующими фортификацией, внутренней застройкой и хозяйством. Исследования говорят о наличии здесь широких контактов с южными и северными регионами. К моменту прихода Александра Македонского на территории Уструшаны существовал целый ряд подобных населенных пунктов с самобытной культурой. Письменные источники рассказывают о семи городах, которых завоевателю пришлось брать штурмом¹.

Примеры взаимодействия различных культур хорошо видны, если рассматривать их с точки зрения предметов иноземного импорта, найденных на трассах Великого шелкового пути. Исследования говорят о слиянии встречных потоков таких предметов из Средиземноморья на восток и из китайской империи Хань — на запад. Он не прерывался и в раннее средневековье, когда Центральная Азия распалась на множество отдельных феодальных владений. Разнообразные образцы западных изделий представлены в Амударьинском кладе и храмовыми приношениями в Тахти-Сангине. Это — ювелирные изделия, резная кость, малая скульптура. В их составе находятся золотые пластинки, на которых изображены служители зороастризма, видны мотивы «звериного» стиля — львы, грифоны. Предметы имеют черты форм ирано-ахеменидского и скифского искусства и, очевидно, являются привозными².

Огромно историческое значение походов Александра Македонского для проникновения западной культуры на восток. Эллинизация способствовала духовному и материальному подъему территорий. С III в. до н.э. через иранское плато в Парфию, Маргиану и Бактрию попадали произведения эллинистического происхождения. Таковы, к примеру, предметы из сокровищницы родовой резиденции Аршакидов в Старой Нисе. В их числе найдены фрагменты небольших мраморных статуй, выполненных в лучших традициях греческого ваяния, — Афродита Анадиомена, Венера Медицейская, голова сатира, а также серебряные фигурки Афины, Эрота, сфинкса, гарпии. В тахти-сангинском храме Охшо обнаружена вырезанная из кости голова Александра Македонского. Из западных камнерезных мастерских поступали геммы-инталии

¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 203–204.

² McGovern W. The Early Empires of Central Asia. N.Y., 1939. PP. 104–109.

с сюжетными изображениями античных мотивов, которые оправлялись в кольца и служили личными печатями¹.

Поступлению предметов римского импорта на территорию Бактрии препятствовала Парфия, которая не пропускала дациньских (сирийских) купцов через свои пределы. В то же время римские изделия попадали в загиндукушские области из Индии, куда поступали морским путем. Среди них можно упомянуть египетские фигурные амулеты — подвески из голубой пасты в виде кулачков, скарабеев, лягушек, кистей винограда и стеклянные бусы. Они встречаются в раскопках на территории Хорезма, Бактрии, Согда.

Так как Мерв и Северный Хорасан входили в III—VII вв. во владения Сасанидов, не случайно, что здесь широко распространились геммы-инталии сасанидского типа. Вырезанные на них изображения животных и людей идентичны встречающимся в коренных областях Ирана.

Китайские хроники, начиная с I в. до н. э., рассказывают о дарственных подношениях, которые направлялись из Центральной Азии к императорскому дворцу. В ответ также посылались дары. Так, в 713 г. из Кана (Самарканда) были присланы кольчуга, кубок из восточного хрусталя, агатовый кувшин, яйца «верблюда-птицы» (страуса), карлик и танцовщицы. Из Тохаристана в VII—VIII вв., помимо отличных лошадей, были привезены до 200 видов лекарственных растений, изделия из стекла и горного хрусталя, а также загадочный полудрагоценный самоцвет, предположительно лунный камень. Из Чача присылалось вино, приготовленное «по иранскому способу». В числе ценных даров упоминаются курительница из Кана, украшенная драгоценными камнями, инкрустированное камнями ложе из Бухары. В то же время в курганных захоронениях Центральной Азии нередко встречаются бронзовые зеркала и другие предметы китайского происхождения².

В числе традиционных объектов торговли были ткани. Из Китая вывозился шелк. Но был и обратный приток в Китай из Центральной Азии и иногда из Ирана хлопчатобумажных и шерстяных тканей, высоко ценившихся за красоту расцветки и мастерство изготовления. К примеру, в 682 г. посол из Тохаристана преподнес императору золотое парчовое одеяние. А в 726 г. правитель Бухары в числе других подарков отправил

¹ Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 136—137.

² Yu Ying-shih. Trade and Expansion in China. A Study in the Structure of Sino-Baebarian Relations. Berkeley, 1967. PP. 119—122.

ему румийский (византийский) ковер. В ходе раскопок археологи обнаружили в Центральной Азии некоторые византийские предметы.

Воздействие иноземного искусства наглядно запечатлено в тканевых орнаментальных мотивах, которые на новой почве подвергались некоторой переработке. В этом отношении характерны так называемые «сасанидские круги», широко представленные в тканевых узорах V—VIII вв. не только в Центральной Азии, но и в Китае. Орнаментальные медальоны этого типа известны также в изделиях из металла, резного дерева, ювелирных. Традиция такого рода орнамента на тканях сохранилась до наших дней в среднеазиатских вышивках-сюзанах и набойке.

Шелковый путь способствовал распространению и технологических достижений. Так, шелководство и шелкоткачество, которые долго были монополией Китая, в V—VI вв. продвинулись вначале в Хотан, затем в Центральную Азию, Иран и Византию. И наоборот, техника изготовления стекла, поступающего из стран Средиземноморья, проникла в Иран и Центральную Азию, а в V в. ее освоили и в Китае. При этом в Китае находят местные сосуды характерной средиземноморской формы и предметы, декорированные в свойственном индоевропейским культурам «зверином стиле». А на Алтае, Кубани и на Дону — изделия, выполненные в стиле китайских мастеров.

В начале первого тысячелетия в Центральноазиатском регионе получил распространение буддизм, что создало благоприятные условия для развития торговли с Индией. Роль этого вероучения, воспринятого местным населением, видна в значительном количестве монастырей, храмов на территории Северного Тохаристана. Позднее они появились и в Мерве, а в V—VIII вв. — в Семиречье.

Исследователи находят здесь предметы индийского импорта, к примеру, две шахматные фигуры из слоновой кости. Они были обнаружены на городище Дальверзинтепа в одном из богатых жилых домов в слое II века. Там же в храме Великой Бактрийской богини найден костяной гребень, на котором выгравированы сцены, связанные с эпическими сказаниями Махабхараты. Из Гандхары в Мерв были привезены фигурки Будды, установленные в местном святилище. Немало бронзовых индийских статуэток найдено и в Чуйской долине¹.

В изобразительном и прикладном искусстве проявлялись иноземные образы и каноны. Так, из Индии в южные центральноазиатские

¹ Khazanov A. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1985. PP. 63–64.

области и далее в Китай вместе с буддизмом пришла специфическая иконография, которая уже на месте дополнялась этническими деталями. Красноречиво об этом говорит облик Будды, приобретшего в Китае монголоидные черты.

Характерным является заимствование изобразительных сюжетов центрально- и западноазиатского происхождения такой в общем-то самодостаточной культурой, как китайская. В середине I тысячелетия в Китае происходят существенные сдвиги в мировосприятии, частично обусловленные распространением буддизма. Перемены охватывают литературу, изобразительное искусство, архитектуру и музыку, обогащаясь буддийскими элементами. Ярко прослеживается и ближневосточное влияние. Так, уже упоминалось о сасанидских орнаментальных мотивах. Распространение иранских элементов в производстве шелка осуществилось за очень короткий срок, заняло не более двух-трех десятилетий. Причина такого быстрого восприятия инородных мотивов — скорее всего, в особенностях того периода китайской истории. Отсутствие централизованной власти и стабильности создавало условия для проникновения в Китай культуры народов Центральной Азии и Ближнего Востока.

В раннем средневековье усилилась борьба за лидерство на трансконтинентальной дороге между тюрками-согдийцами и иранцами. В конце концов, с помощью тюркской власти лидерами на Великом шелковом пути стали согдийцы. Они сыграли огромную роль в развитии культурных связей с Китаем. К примеру, эти известные на всем протяжении трассы умелые торговцы способствовали распространению далеко на восток различных систем письменности. Среднеазиатское влияние сказалось и на внедрении в Китае новых для него элементов музыкальной и танцевальной культуры и музыкальных инструментов — лютни, арфы, флейты. Танцоры и артисты из Бухары, Самарканда, Чача пользовались в Китае в VII—VIII вв. особой популярностью.

Как считают исследователи, китайская музыка в то время стала похожей по звучанию на музыку центральноазиатских народов. Люди нередко совершали неблизкие переезды, чтобы обучиться игре на том или ином инструменте. Доказательством некогда, очевидно, широко распространенной практики в этом плане может служить такой факт. В I в. до нашей эры дочь усуньского правителя, матерью которой была ханьская принцесса, отправилась в Китай для обучения игре на струнных инструментах. Нередким зрелищем на Шелковом пути были музыканты,

едущие на двугорбом бактрийском верблюде — как на статуэтке, найденной в погребении около Сианя (VII—X вв.). В их руках — лютня, угловая арфа, флейта. В китайских источниках танского периода говорится о ташкентском танце «хутэнъу» («западный скачущий танец»), который исполнялся мальчиками под аккомпанемент лютен и поперечных флейт. Музыканты Западного края всегда были желанными гостями в Поднебесной. Актер из Бухары, флейтист из Самарканда, гобоист из Хотана, сочинитель песен из Кучи — все они могли быть уверены, что найдут себе в Китае заработок и их мастерство будет оценено по достоинству¹.

Вообще, при исследовании возникают удивительные параллели в музыкальной жизни разных стран, расположенных вдоль трансконтинентальной дороги. Об этом говорят и письменные источники, и памятники изобразительного искусства. К примеру, массовое появление фигурок обезьян-музыкантов в искусстве Восточного Туркестана совпадает, с одной стороны, со временем образования в юго-восточной части региона значительного массива индийского населения, а с другой — с усилением притока выходцев из Центральной Азии (особенно согдийцев), откуда в Восточный Туркестан проник буддизм.

Конечно, идеальным предметом для торговых перевозок на дальние расстояния, дававшим большие прибыли, был шелк. Но кроме него из Китая по Великому шелковому пути поступало еще много других товаров, в том числе и знаменитая китайская бумага. Ее изобретение стало, пожалуй, одним из самых замечательных открытий, оказавших огромное влияние на развитие мировой культуры. Китайские и западные источники обычно связывают его с именем Цай Луня и датируют это событие 105 г. н.э. Наибольшее распространение получила бумага, сделанная из бамбука, луба шелковицы, рисовой соломы и водорослей. Иногда использовались также шелковое тряпье, очески волокна и другие материалы.

Впоследствии она стала родоначальницей прославленной среднеазиатской бумаги, которая на протяжении нескольких столетий пользовалась популярностью не только в Азии, но и во всем мире. Именно согдийские колонии способствовали раскрытию секрета и распространению способа изготовления китайской бумаги в Центральной Азии и, прежде всего, в Самарканде. Оттуда этот способ проник в арабские

¹ Barfield T. S. *The Perilous Frontier*. Oxford, 1989. PP. 66–69.

страны и был завезен арабами в Северную Африку, Сицилию и Испанию. У испанских умельцев его переняли итальянские мастера, и впоследствии он стал известен во всех европейских странах. К XV в. бумага почти повсеместно вытеснила из употребления пергамент.

В VII — начале VIII вв. в Согде (Самарканд, Бухара, Карши), Уст-рушане (Сырдарья, Джизак), Чаче (Ташкент) и Фергане сосуществовало несколько независимых государств, однако политическая власть находилась в руках тюрков. Но надо отметить, что экономическая и культурная жизнь была организована на основе равенства и сотрудничества разных народов, несмотря на их язык и религиозную принадлежность. Иностранные послы, купцы и путешественники, приезжавшие с разных сторон света в Центральную Азию, не попадали под давление местного народа или государственных органов. Они свободно передвигались по странам региона, что хорошо проиллюстрировано на стенных росписях Афросиаба¹.

В это время согдийские купцы вели торговлю на всем протяжении маршрута Шелкового пути — от Японии на востоке до стран Средиземного моря на западе и до Вьетнама и Цейлона на юге. Как уже отмечалось, по этим путям осуществлялся самый широкий торговый обмен. Интересен, к примеру, такой факт. В VII в. Самарканд отправлял в Китай к императорскому двору желтые персики, цвет которых был подобен золоту. Их так и называли «золотые персики». Несколько деревьев-саженцев, на которых произрастали эти царственные плоды, были привезены и выращены в дворцовых садах. С помощью купцов по трансконтинентальной дороге распространялись и другие агрокультуры. Китай получал из стран Востока виноград, люцерну, морковь, лук, огурцы, фасоль, кунжут, финики, ореховые, миндальные и гранатовые деревья. А взамен он дал остальному миру тутовый шелкопряд, чай, абрикосы и многое другое.

Особенно следует отметить мощный поток религиозных и философских воззрений по Великому шелковому пути. Например, распространение буддизма по караванным маршрутам подтверждается наличием многочисленных древних храмов и археологических находок. Пещерными культовыми сооружениями изобилуют северо-западная Индия, южная часть Центральной Азии и Восточный Туркестан. На обширных пространствах от Индии через Центральную Азию до Японии буддизм

¹ Grousset R. L'Empire des steppes. Paris, 2000. PP. 88–93.

создал свой неповторимый нравственный мир, свою уникальную культуру, вобрав в нее духовные достижения нескольких десятков стран и народов.

Проникновение буддизма в Китай явилось прямым следствием развития торговых контактов. Первые буддийские общины появились в Лояне, где располагалась главная колония западных купцов. Буддизм в доступной простым людям форме учения махаяны пришел в Китай из Индии через Центральную Азию в эпоху Северных Вэй (386—535 гг.) В это время начали строиться буддийские скальные монастыри в провинциях Ганьсу и Шаньси. Они украшались рельефами, в которых отразились ранее неизвестные китайцам образы, но очень типичные для буддийского искусства. Это были небесные музыканты и танцовщицы, многочисленные божества. Такие фигурки в большом количестве найдены и в погребениях. Они служили атрибутами культа предков и «должны были улаживать покойника в его второй, загробной жизни и обеспечивать ему там все земные удобства»¹.

В то же время буддизм торговыми трассами распространяется и на Западную Азию — в Парфию. В конце VI в. он вводится в Первом Тюркском каганате. Оттуда проникает к народам Южной Сибири, ранее придерживавшимся шаманических культов.

В свою очередь, с Ближнего Востока в Центральную Азию и далее до Китая перемещается христианство и особенно манихейство — последнее ответвление христианского гностицизма. До IV в. эта религия расширялась на запад и дошла до Египта, Северной Африки, Италии и Испании. Но затем из-за разногласий с официальной Церковью манихейство начало подвергаться гонениям и уцелело лишь в Персии, откуда распространилось на Восток. Здесь как официальную религию его приняли уйгуры, контролировавшие Шелковый путь, и принесли свою веру в Китай.

Возле Чаньяня (нынешний Сиань) была обнаружена большая плита из черного известняка высотой около 4 м и шириной 1 м. На верхней части располагались крест и титул, а под ним надпись. На титуле написано: «Плита Да Цинь (прим. — Сирия). Люминесцентная религия в Китае». Далее в тексте сообщается о появлении и развитии здесь христианства. В надписи говорится: «Епископ А-ло-пен королевства Да Цинь прибыл издалека, привез с собой собрание изречений и образов

¹ Ван Чжуншу. Ханьская цивилизация (на китайском языке). Тайбэй, 1988. С. 34—42.

и представил их нашей столице. Тщательно исследовав возможности его учения, мы нашли это загадочно духовным и тихим в действии. Наблюдая за его принципиальными выводами, мы пришли к заключению, что они охватывают все, что является наиболее важным в жизни. Это учение полезно для всех людей и существ. Так позвольте ему иметь свободный курс по всей Империи».

Предшествовали этому такие события. Император Гао Цзун — основатель танской династии — принял только конфуцианство и отклонил буддизм как западную и некитайскую религию. Он приказал закрыть большинство буддийских и даосских монастырей и храмов. Его сын Тай Цзун, вопреки своему отцу, придерживался политики терпимости. Он был высокообразованным и проявлял интерес к новым знаниям. В его дворцовой библиотеке 18 человек постоянно занимались копированием более 200 тыс. рукописей. В 635 г. император приветствовал христианство и приказал прибывшему в этом году из Сирии по Великой дороге манихейскому епископу А-ло-пену перевести на китайский его священные книги. Через три года — в 638 г. — Тай Цзун издал указ о терпимости к манихейской религии.

Манихейство было известно в Китае как «Учение света». Много манихейской литературы на китайском языке обнаружено в библиотеке буддийского монастыря возле Турфана. В Чаньани, сразу же после императорского указа, была построена первая христианская церковь Китая. Тай Цзун сам распоряжался строительством и выдавал на это деньги из собственной казны.

Впрочем, делал он это также в пользу буддийских и даосских храмов. Наследник императора, его сын Гао Цзун продолжал поддерживать христианство. В годы его правления (649—683 гг.) было построено огромное количество церквей и христианских монастырей. В VIII в. христианские миссионеры принесли свою религию и в Японию.

Однако уже в IX в. политика религиозной толерантности прекратилась. Началось преследование всех некитайских верований — манихейства, христианства, зороастризма и буддизма. Но, согласно правилу веротерпимости монголов, христианство в Поднебесной восстановилось еще раз. Францисканский миссионер Джон Монте-Корвинский, который прибыл в Пекин в 1294 г., встретил там мощное несторианское сообщество. И только во времена Минской династии христианство исчезло полностью¹.

¹ Ван Чжуншу. Указ. соч. С. 205—218.

Далеко на восток распространяется и ислам. Сначала — силой оружия до Памира и Тянь-Шаня, а далее — с помощью торговли и культурного взаимодействия. Воплощение новых идей реализуется в произведениях искусства, в памятниках погребальной обрядности. Мусульманская цивилизация заново открыла миру достижения греческой науки, распространила знания индийских математиков — новую десятичную систему счисления, а также познакомила другие народы с опытом медицины. Столетиями сохранялся дух культурного и духовного диалога.

Период с IX до начала XIII вв. явился первым этапом средневекового Возрождения в Центральной Азии, которая в это время становится одним из важнейших центров исламской цивилизации. На новой основе здесь получили дальнейшее развитие духовные ценности ислама, связанные с ним литература, философия, правоведение, естественные науки и художественная культура.

Такой расцвет определялся и интенсивным развитием социально-экономических отношений, благодаря которым значительно расширилась география международных культурных связей Мавороуннахра. В их ареал вошли Китай, Южная Сибирь, Алтай, Восточный Туркестан, Приаралье, Поволжье, Кавказ, Причерноморье, Египет, Малая Азия, Иран, Афганистан и Индия. Поддержка духовной культуры возводится в ранг государственной политики. Было построено множество учебных заведений — начальных школ, медресе, библиотек. Распространялись различные направления в архитектуре, ремеслах.

Монгольское завоевание, прервав эти традиции, принесло неисчислимы бедствия, последствия которых ощущались вплоть до 60-х годов XIV в. Возрождение культуры в Центральной Азии связано с именем Амира Темура. Он прославился в истории не только как полководец и крупный государственный деятель, но и как покровитель науки и культуры. Всемерно поддерживалось стремление к светским знаниям и общечеловеческим ценностям. Приветствовалась терпимость к ним религиозных учений. В такой атмосфере подлинного ренессанса появилось много выдающихся энциклопедистов, ученых, поэтов, философов и их школ. Их имена золотыми буквами вписаны в мировую историю. Абу Али ибн Сино, Беруни, аль-Хорезми, аль-Фаргони, Рудаки, Навои и многие, многие другие деятели науки и искусства того времени внесли огромный вклад в развитие человеческой

цивилизации и на Востоке, и на Западе, перенявшем их знания и их достижения¹.

Центрами концентрации, обмена и передачи ценностей материальной и духовной культуры были города, которые стояли на пересечении дорог караванной торговли и транзитного сообщения. Центральная Азия играла важную роль в генезисе международных связей, служа своеобразным экономическим и культурным мостом между Востоком и Западом. Это отражено в дневниках многих путешественников — Джовани Карпини, Уильяма Рубрукского, Марко Поло, Ибн Фадлана и многих других.

Дипломатические ходы

Шелковый путь открывал уникальные возможности и для развития дипломатии, в которой экономические интересы в большинстве случаев увязывались с политическими. Закономерно, что первыми послами были купцы. Они имели «проходную карту», статус неприкосновенности на территории даже воюющих государств. Поэтому им доверяли самые сложные задания, они не только передавали информацию «из уст в уста», но и выполняли тайные поручения. Это было удобно для правителей, посылавших купцов с важной миссией, так как торговцы выступали в роли нейтральных членов сообществ, занимавшихся своим непосредственным делом — торговлей, не касающимся межгосударственных отношений.

Особенностью товарообмена на Великом шелковом пути была кроме того так называемая «дипломатическая торговля», когда под видом подарков или приношения даров при обмене дипломатическими миссиями велась фактически завуалированная торговля. Так, в правление китайского императора Чэн Ди к его двору прибыло посольство с дарами из государства Цзибинь (современный Кашмир). Император намеревался отправить ответное посольство, однако его сановник Ду Цинь в письме сообщил государю, что «среди тех, кто привез дары, нет членов царской семьи или знати. Это все купцы или люди низкого происхождения. Их намерение — обмениваться товарами и вести торговлю под видом присылки даров»².

¹ Durant W. The Age of Faith. N.Y., 1950. PP. 235–260.

² Balazs E. Etudes sur la société et l'économie de la Chine médiévale. Leiden, 1953. PP. 142–143.

История дипломатии стран, расположенных на Шелковом пути, является органичной частью всемирно-исторического процесса взаимодействия народов и культур, в ней сконцентрирован крупнейший международно-правовой опыт. Он интересен не только с точки зрения изучения. Имея свои корни в прошлом, древняя дипломатия частично проникает и в нашу жизнь, в той или иной степени оказывает воздействие на современные международные процессы.

Примеры древней дипломатии мы находим в источниках, рассказывающих о государствах, которые существовали на территории современного Ирана. Одно из них — Мидийское царство, достигшее своего могущества при царе Киаксаре (625—585 гг. до н.э.) Он был известным завоевателем и подчинил себе многие государства, в том числе и Парфию. Но парфяне подняли освободительное восстание и призвали на помощь саков.

Продолжавшаяся несколько лет война закончилась мирным договором, в соответствии с которым Парфия при формальном подчинении Мидии сохраняла свои прежние владения. Как утверждает в своей книге «Великий шелковый путь» историк Э. Ртвеладзе¹, этот договор стал первым в истории дипломатии Средней Азии реальным международным договором, который помог выйти из конфликта двум государствам.

Во времена Ахеменидской империи дипломатия получила дальнейшее развитие. Для обеспечения безопасности границ своего государства от племен саков-массагетов, занимавших территорию между низовьями Сырдарьи и Амударьи, царь Кир предпринял против них военный поход. Однако предварил его обменом устными дипломатическими посланиями между Киrom и царицей массагетов Томирис. Как рассказывает Геродот, Кир предложил Томирис стать его женой, таким образом надеясь подчинить себе массагетов².

Лишь после того, как царица разгадала намерения Кира, он начал военные действия. Тогда Томирис, в свою очередь, через посланника предложила ахеменидскому правителю собственные варианты выхода из конфликта. Они были обсуждены на совещании в ставке персов. Формальное согласие было дано. Однако участвовавший в походе лидийский царь Крез посоветовал пойти на хитрость — разделить армию. Лучшую, наиболее сильную часть отправить за реку, вступить с бой

¹ Ртвеладзе Э. Указ. соч. С. 104.

² Herodotus. Op. cit. P. 92.

с массагетами и продвигаться вперед настолько, насколько отступит враг, а затем вернуться. А худшую часть войска — вместе с большим количеством различных яств и вин — оставить в лагере «для приманки». Расчет удался. Массагеты во главе с сыном Томирис Спаргаписом разбили оставшихся в лагере персов и на радостях устроили пир, а затем, естественно, крепко заснули. И в это время Кир напал на них, многих уничтожил и взял в плен. Пленен был и сын Томирис.

Царица отправила к Киру вестника с устным посланием, в котором предложила вернуть ей сына, а самому с войском уйти: «Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем — владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен». Кир пренебрег угрозой царицы и женщины-матери. В итоге Спаргапис покончил жизнь самоубийством, не выдержав позора, и Томирис сдержала слово. В жесточайшей битве массагеты одержали полную победу, большая часть армии Ахеменидов была уничтожена, Кир убит. Отрубленную голову своего врага Томирис поместила в мешок с человеческой кровью¹.

Таких примеров, когда при «выяснении отношений» между государствами и сообществами происходил обмен дипломатическими посланиями — пока еще в устной форме, в истории древних народов, живших на Великом шелковом пути, немало.

Новый период развития дипломатии на Шелковом пути соответствует эпохе эллинизма, а затем — владычества Римской империи. Центральная Азия тысячелетиями была своеобразным торговым узлом, перекрестком караванных путей, местом, где процветала иноземная торговля. Поэтому межгосударственные конфликты возникали, в том числе, и из-за необходимости завоевания новых рынков. Обладание ими позволяло диктовать условия, давало не только экономическую, но и политическую власть.

Яркие примеры использования возможностей дипломатии приходится на годы пребывания Александра Македонского в Мараканде. Так, в 329 г. до н.э. к нему прибыли послы от скифов. Под предлогом заключения договора о дружбе Александр отправил ответное посольство. Однако цель была иная. Его интересовали сведения «из первых рук» о земле скифов, их военной мощи.

Уже в следующем году полученные данные позволили завоевателю одержать победу над скифами в сражении, которое состоялось на правом берегу Танаиса (Сырдарья). Тогда их царь через своих послов опять

¹ Herodotus. Op. cit. PP. 93–96.

обратился с предложением о заключении мирного договора и извинениями за необдуманные действия отдельных вооруженных групп скифов, за которые он не несет ответственности. На это Александр ответил, что доверяет царю, но военные действия не прекратит до полной победы. Правитель скифов отправил новое посольство с дарами и предложением выдать свою дочь за Александра, а дочерей скифских вельмож — за его «верных друзей». Тем не менее, и этот дипломатический ход не увенчался успехом, Александр Македонский ответил вежливым отказом¹.

На это же время приходится и переговоры с царем Фарасманом из Хорезма, который предлагал великому завоевателю военный союз и помощь в походе на другие народы, а также с правителями других государств и племенных объединений. Таким образом, активные завоевательные и политические действия способствовали развитию дипломатических отношений, их совершенствованию. Метод решения различных конфликтов с помощью переговоров широко использовался и в таких эллинистических государствах, как Селевкидское и Греко-Бактрийское. К примеру, последнее заключило несколько военных договоров с парфянами для борьбы с общими врагами. Постепенно стали появляться люди, более или менее профессионально занимающиеся посольской деятельностью.

Более двадцати веков назад очень оживленными были контакты между двумя могущественными империями — Римской и Кушанской, которая включала территории нынешних Узбекистана, юга Таджикистана, Афганистана, Северной Индии и Северного Пакистана. В ходе раскопок ученые обнаружили здесь множество товаров римского производства. Свидетельством международных кушанских связей являются найденные на городище Кампыртепа (возле Термеза) фрагменты древних бактрийских рукописей, которые выполнены черной тушью на папирусе, изготовленном в римском Египте.

Античные авторы сообщают о бактрийцах, бывавших в римском Средиземноморье во времена правления различных императоров — от Августа до Аврелиана. В ряде случаев речь шла и о дипломатических контактах, к примеру, о приеме императором Адрианом (117–138 гг.) посольства «бактрийских царей» или прибытии к Антонию Пию (138–161 гг.) послов от «индийцев, бактрийцев и гирканцев». Интересно, что эти кушанские посольства античные авторы называли «бактрийскими»².

¹ Ferduson W. Greek Imperialism. Boston, 1976. PP. 192–194.

² Livy. History of Rome. Oxford, 1955. PP. 162–163.

Самое раннее из официально известных кушанских посольств посетило Рим в 99 г. н.э. Изображения кушан имеются на знаменитой колонне императора Траяна (98–117 гг.), который пригласил их в качестве почетных гостей для участия в триумфе по поводу победы над племенем дахов.

В V — начале VIII вв. между Самаркандом и Бухарой, по свидетельству китайского летописца, процветал город Кушания. Китайского историка поразило одно из расположенных близ него зданий. Он отмечал: «Такого города, где в одном и том же здании находились бы изображения государей Рима, Персии, Средней Азии, Китая и Индии, наверное, не было ни в одной другой стране»¹.

Хорезмийцы были хорошо знакомы с дорогой в Византию, куда они попадали зачастую в составе тюркских дипломатических миссий. О пребывании посольства тюрков при дворе императора Юстиниана (565–78 гг.) сообщал древний историк Феофан Византийский. В этот период в Согд доставлялись византийские шелковые ткани, по образцам которых ткались некоторые согдийские шелка, экспортировавшиеся, в свою очередь, на Запад. Одним из подтверждений таких двусторонних контактов является византийское блюдо, найденное в районе Кунгура. На нем имеется надпись согдийским письмом: «государь Бухары...», вырезанная в конце VI — начале VII вв.

Ученые располагают свидетельствами современников о самых первых тюркских правителях Согдианы в том числе и благодаря западным путешественникам. Они были сохранены византийскими историками, в первую очередь, Менандром, которые основывались на докладах послов Византии, направленных в Центральную Азию в 569 и 576 гг. Один из правителей того времени — или каганов — носил имя Сизабулос (в греческой транскрипции). Арабо-персидские источники называют его Синжибу. «Он самый отважный и самый сильный из тюрков, победитель эфталитов». Ставка кагана, откуда возвращалось византийское посольство, называлась Золотая гора.

Теофилакт Симокатта, описывая страну такой, какой она была до 582 г., упоминает «Золотую гору», где находилась резиденция кагана западных тюрков. «У тюрков существует закон, по которому надо уступить золотую гору самому могущественному кагану». Эта гора отличается своей плодородностью, фруктами и стадами, благоприятными для

¹ Ляо Учжи. Китай и западные соседи (на китайском языке). Ухань, 2004. С. 214–216.

здоровья условиями, редкостью землетрясений. По Менандру, обратный путь греков лежал через страну холиатов, или хоалитов (в разном написании). Некоторые ученые идентифицируют ее с древним Хорезмом. Часть свиты посла Византии Земаркоса ждала его здесь. К ним присоединился правитель хорезмийцев, получивший разрешение Сизабулоса сопровождать греков¹.

Регулярно посещали Центральную Азию китайские послы. Ежегодно отправлялось не менее 5–6, а в некоторые годы и более 10 караванов, называвшихся обычно «посольствами». И действительно, они зачастую выполняли не только торговые задачи, но и дипломатические миссии. Крупные посольства состояли из нескольких сотен человек, а «малые» — не менее, чем из 100. Возвращались они на родину, как правило, в сопровождении ответных посольств.

Конечно, долгий путь был чреват разными приключениями и сложностями, в том числе и нападениями кочевых племен. Это вынуждало китайское правительство предпринимать военные действия. Так, в 108 г. до н.э. были покорены Лаулань (Лобнор) и Гуши (Кучар) в Восточном Туркестане. В 104–102 гг. до н.э. было предпринято два похода на Давань, в результате которых она признала себя вассалом Китая и обязалась ежегодно платить дань по паре лошадей «небесной породы», ценившихся очень высоко.

Давань (Фергана) была первой страной в Средней Азии, с которой Китай установил дипломатические отношения. Вначале они были весьма напряженными, и следствием этого стали военные конфликты. Основная причина — желание императора приобрести здешних аргамаков. Как повествуют китайские летописи, У Ди отправил к правителю Давани посланника со 100 данами золота и просил в обмен прислать ему лошадей знаменитой породы. Однако — получил отказ, причем посланник был убит, а его имущество конфисковано. Это и послужило началом войны, закончившейся поражением Давани. На место прежнего правителя Мугуа, казненного по приказу китайского полководца, был посажен один из старейшин Моцай. А китайцы отправились на родину с тремя тысячами лошадей².

После завершения китайско-даваньской войны дипломатическая деятельность Китая стала стремительно развиваться, о чем свидетельствует

¹ Durant W. *Constantine and Civilization*. N.Y., 1953. PP. 83–85.

² Бао Динь (Отв. ред.). Указ. соч. С. 82–83.

древняя китайская летопись (начало I в. н.э.). Уже в конце II в. до н.э. устанавливаются дипломатические отношения и с Парфянским царством.

Политические интересы Китая и народов Средней Азии были общими и в большой степени определяли характер всех других контактов. Им одинаково угрожали орды кочевников, поэтому совместная борьба с ними была жизненно необходима. В 115 г. до н.э. ознаменовался заключением союза с усунями, которые должны были по мере надобности предоставлять в распоряжение китайцев определенное количество войск. Союз был прочным, и это подтверждает установление родственных связей между китайским двором и усунями.

Несколько иной характер имели дипломатические отношения Китая с другим среднеазиатским государством — Кангюем (древним Хорезмом). Оно не признавало превосходства китайцев, так как обладало значительной военной мощью, что давало возможность проводить независимую политику. Согласно «Истории Старшего дома Хань», на приемах кангюйского правителя китайским посланникам отводились места ниже усуньских, и даже яства им подавали позже. Тем не менее, государь Кангюя отправлял своих сыновей на службу при дворе китайского императора¹.

Дипломатическая активность династии Хань в Средней Азии привела к признанию некоторыми из государств вассальной зависимости от Китая. Тем не менее, в ряде случаев она была лишь номинальной. В «Истории Старшего дома Хань» говорится, что китайские послы «без наличных денег не могли получить ни пищи для себя, ни скота для верховой езды, и сему причина отдаленность Китая».

Однако в III—IV вв. н.э. дипломатические отношения Китая со странами Средней Азии пришли в упадок. Основная причина была в неустойчивости военно-политической обстановки в обоих регионах. Только в V веке дипломатические контакты возобновились.

Император из династии Вэй Тай У (424—452 гг.) отправил в Среднюю Азию большое посольство во главе со своими советниками Дунь Ванем и Гао Мином, которое повезло немалое количество даров, в том числе парчу и шелковые ткани. Первоначально миссия попала к усуням и была принята с большим почетом. Правитель усуней сообщил Дунь Ваню, что Фергана и Чач давно мечтают об установлении связей с Китаем

¹ Гао Фэнью (Отв. ред.) Китайская дипломатия в древности (на китайском языке). Гуанчжоу, 2000. С. 226—240.

и «жалеют об отсутствии дорог». Это говорилось в том смысле, что жужани и хунны фактически перекрыли их и таким образом мешали развитию торговли и дипломатическому обмену. Тогда Дунь Вань направился в Фергану, а Гао Мин — в Чач, где заключили договоры о признании их вассальной зависимости от Китая. В обратный путь вместе с китайскими послами отправились посольства шестнадцати государств Средней Азии. Как рассказывается в хронике, «с этого времени не проходило и года, чтобы не появилось несколько государственных посольств»¹.

Как считают исследователи, эта миссия имела большое историческое значение, так как способствовала восстановлению прерванных на многие годы дипломатических отношений между государствами двух регионов. По действительности ее можно приравнять к миссии Чжан Цзяна, которая за несколько веков до этого открыла для Китая Западный край.

Особенно усилились связи в эпоху Танской династии, когда китайское могущество простиралось до Каспийского моря. Многие правители Средней Азии признавали верховную власть императора и получали от него грамоты, подтверждающие права на свои владения. По данным китайских источников, только из региона Самарканда с 617 по 648 гг. в Китай было отправлено 20 посольств. В это время в государствах Средней Азии уже сформировалась определенная прослойка лиц, специализирующихся в области дипломатии, — посланников, их помощников, а также толмачей-переводчиков.

Роль посредника между Востоком и Западом выполнял Восточный Туркестан — страна уйгуров. В период правления императора Сюань Цзуна (712–755 гг.) и она, и Средняя Азия подверглись нападению тибетцев и арабов. Многие среднеазиатские правители, как рассказывается в «Истории Танской династии», обращались к китайскому императору с просьбой о помощи. В том числе — согдийский царь Гурек, разбитый арабами, и владетели Ферганы и Тохаристана. С такой же просьбой обратился и персидский царь Пероз. Для того, чтобы содействовать ему в возвращении престола, император Гао Цзун направил войска. Но поддержка далекого Китая не дала нужного результата. Пероз бежал в Китай, где и умер. Позднее уже его сын Нерсэ возглавил сопротивление арабским завоевателям.

¹ Бао Динь. Указ. соч. С. 103–104.

В период борьбы с арабами связи с Китаем стали очень оживленными. С 717 по 731 гг. из Согдианы были посланы 11 дипломатических миссий, из Тохаристана — 5, из Бухары — 12. В 751 г. китайский наместник в Восточном Туркестане собрал 30-тысячное войско и вступил с ним в Среднюю Азию, чтобы дать отпор арабам, укрепившим здесь свои позиции. Встреча произошла в долине реки Талас (Кыргызстан), где китайская армия потерпела поражение. По данным арабов, в плен тогда попало около 20 тыс. китайцев и было захвачено большое количество добычи¹.

Военная поддержка была двусторонней. К примеру, когда в 756 г. взбунтовавшийся военачальник Ань Лушань захватил обе столицы Танской империи, император Дай Цзун (762–779 гг.) вызвал себе на подмогу войска из Восточного Туркестана. Помимо этого, военную помощь ему оказали также хотанский правитель и властитель Тохаристана.

После распада западно-тюркского каганата в IX в. в Восточном Туркестане возникло сильное уйгурское государство с центром в Турпане. Почти одновременно на юге Синьцзяна появилось и другое уйгурское государство Караханидов со столицей в Кашгаре. Они стали играть важную роль в политической жизни соседей — Средней Азии и Китая. Ярким примером этого может служить широкое распространение уйгурской письменности среди других народов. В XIII в. их алфавит освоили монголы, которые затем передали его маньчжурам. Уйгурский язык на значительной территории Средней Азии использовался в качестве официального канцелярского.

Уйгуры держали под своим контролем караванные пути и во многом способствовали развитию торговли. Арабский географ Идриси (1100–1160 гг.) отмечал, что «жители этой страны находятся в тесных взаимоотношениях с обитателями Ферганы и Ботмы (горная страна к востоку от Самарканды) и с подданными Хакана вывозят оттуда железо, серебро, камни разных цветов, леопардовые шкуры и мускус»².

Новый этап становления дипломатических отношений стран, расположенных вдоль Великого шелкового пути, ученые относят ко времени создания империи Амира Темура. Его дипломатия основывалась на развитии межгосударственных связей и соответствовала международным правовым нормам того времени.

¹ Sewell H. *The Middle Kingdom and Arabs*. Los Angeles, 1966. PP. 119–120.

² Hell J. *The Arab Civilization*. Cambridge, 1926. PP. 325–326.

Сахибкиран придерживался принципа неприкосновенности посольств и послов. К примеру, когда посол Байсак доставил ему от египетского султана Насыра Фараги (1399–1412 гг.) оскорбительное письмо, Амир Темур сказал: «Не будь традиции не трогать царских послов, я бы знал, как поступить и с ним, и решил бы его участь». В 1370 г. он отправил осудительное стихотворное письмо хорезмшаху Юсуфу Суфию, который заточил его посла в тюрьму. Каждый раз, направляя своего гонца Джалаледдина-баходира в разные страны, Амир Темур делал приписку к своим посланиям: «Нет смерти и плена послу. Его задача — выполнить точно мой приказ. Верни моего посла обратно». Сам он при этом не только сохранял жизнь послов, но и их имущество, скот, утварь. В «Уложениях» Темура было сказано: «Если пропадет что-то из имущества посла, утерянное возмещает администрация той местности»¹.

В записках испанского посланника Руи Гонсалеса де Клавихо² рассказывается, что на протяжении всего пути до Самарканда существовали конные переправы, днем и ночью обеспечивающие передвижение тех, кто направлялся к Сахибкирану. Для чужестранцев везде были построены большие караван-сарай, которые снабжались водой и продуктами питания. Там работали также люди для охраны, обслуживания и сопровождения послов. Примечательно, что Амир Темур назначал послам специальное денежное содержание.

Приоритетом его дипломатии было соблюдение взаимных договоров. Известно, что он всеми способами старался выполнять мирный договор, заключенный с Амиром Хусейном. Но тот много раз нарушал свои обещания, что в конце концов заставило Темура взяться за оружие.

Методы внешней политики Сахибкирана отличались высокой культурой, внимательностью к словам и этикету. Он вел переписку с правителями многих стран, включая Китай и европейские государства. Характерной особенностью этих посланий было то, что в них учитывались не только особенности страны, но и характер ее правителя. В соответствии с этим подбирались слова, эпитеты, регалии. Писцы при дворе Темура обладали обширными знаниями и постоянно собирали новую информацию по географии, этнографии, истории других стран, что способствовало развитию искусства дипломатии и, в конечном итоге, вело к уменьшению врагов государства.

¹ Durant W. The Age of Faith. P. 343.

² Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. М., 1990.

Большое внимание Амир Темур уделял кандидатурам послов, которые отбирались из самых образованных, красноречивых людей высокого происхождения. Итальянский купец Беламус де Мигннанелли в своей книге «Жизнь Темура», написанной в 1416 г., отмечал: «Люди Темура были красивые, знатные, умные, в чинах, соответствующих возрасту..., знающие арабский, древнеримский, иврит и другие языки, а также небесные науки и геометрию»¹.

Арабский историк Ибн Дукмок в книге «Ақд ал-жавохир» рассказывает, что в период осады Темуром Дамаска (с декабря 1400 по март 1401 гг.) он увидел неподалеку заброшенную могилу одной из жен пророка Мухаммеда Умми ал-Хабобы и велел возвести над ней мавзолей. Внимание к мусульманским святыням помогло Темуру одержать победу, так как после этого в городе появились его сторонники².

Тонко чувствуя чаяния людей, прибегая к добрым словам и подаркам, Сахибкиран склонял противников на свою сторону. Дипломатические отношения всегда подкреплялись дарами. Для укрепления своей власти в завоеванных странах он стремился найти единственно верный способ, «открывая врата справедливости и преграждая путь насилию».

Создатель могущественного государства знал, что самый дешевый и лучший путь к победе — это дипломатия. В своих «Уложениях» он пишет: «В деле, которое можно было решить словом, я не прибегал к оружию». И еще — «Опыт мой показывает: то, что не могут сделать тысячи всадников, можно достичь правильным словом и делом»³.

Политике Темура старались следовать и его преемники. Они наладили ставшие напряженными отношения с Китаем, о чем свидетельствуют частные посещения послами из Самарканда китайского двора. Как никогда тесными стали связи с Восточным Туркестаном, в частности с уйгурами. Территория Уйгуристана входила в состав государства Темура и его преемника Мирзо Улугбека. Это расширило и укрепило сложившиеся ранее экономические, культурные и родственные связи между народами Восточного Туркестана и Мавераннахра. В XV в. деятельность Темуридов на поприще дипломатии привела к развитию и обновлению сети дорог, строительству новых. В основе этого лежали стратегические цели. Международная торговля получила дальнейшее развитие. Она была одним из стимулов расширения производства товаров внутри страны,

¹ Durant W. Op. cit. P. 357.

² Durant W. Op. cit. P. 359.

³ As above. P. 360.

способствовала насыщению рынков иностранной продукцией. Все это содействовало и контактам в сфере культуры и науки.

Взаимосвязи народов, живших вдоль великой трансконтинентальной дороги, укреплялись веками. Ни обширные пустыни, ни высокие горы не были для них препятствием. Менялась политическая карта мира, исчезали мощные империи, на их основе возникали новые. Правители все чаще обращались к дипломатическим методам решения различных межгосударственных конфликтов, используя и развивая опыт своих предшественников. Дипломатия как вид деятельности стала играть привилегированную роль.

* * *

Система Великого шелкового пути просуществовала вплоть до XV в. Однако уже с XIV столетия в связи с рядом социально-политических трансформаций, а также качественных изменений в кораблестроении и навигации приоритет в сфере перевозок постепенно переходит к морским трассам. В это же время инициативой в торгово-экономических отношениях начинают овладевать страны Запада — Португалия, Голландия, Британия. В своем стремлении воспользоваться появившейся, наконец, возможностью монополизации торговли они предпринимают последовательные шаги для того, чтобы нейтрализовать своих конкурентов. Конечным итогом таких действий стало разложение традиционной структуры экономических взаимосвязей «Восток — Запад» и низведение до локального уровня дорог, которые еще недавно имели трансконтинентальное значение.

Дальние международные связи все больше и активнее смещались с суши на море. Индийский океан и прилегающие к нему моря превращались в самую удобную коммуникационную сеть, а на их побережьях сосредоточились все лучшие и крупнейшие торгово-ремесленные центры Азии. В Индии в XVI в. — даже когда еще великие географические открытия не повлияли на ее внешнюю торговлю — количество перевозимых морскими путями грузов почти в 60 раз превосходило по объему те, которые транспортировались по суше в азиатские страны. Приход европейских кораблей, колониальная экспансия усугубили ситуацию еще больше.

На возобладание океанских и упадок сухопутных связей влияли и другие причины. К примеру, политическая и экономическая ситуация

в Китае на протяжении ряда веков способствовала перемещению центра хозяйственной жизни на юг. К тому же, настоящим бичом для экономики оседлых цивилизаций внутриконтинентальной Азии в средние века стали кочевники и полукочевники. И дело не только в периодических набегах и грабежах. Безрассудная и многовековая сверхэксплуатация земель сменяющимися друг друга завоевателями добавила к торговому и хозяйственный упадок региона, его обезлюдение. Это подтверждают европейские сообщения XVI в. Англичане, поначалу решившие идти не по стопам Португалии, а завязать контакты с Персией, Индией и Китаем через Россию и Среднюю Азию и с трудом добившиеся от Ивана Грозного такого позволения, вскоре отказались от своей затеи. Купцы обеднели, торговля стала «малой и нищенской». Прекращение полномасштабной «работы» Шелкового пути повлекло за собой глубокий и скоротечный разлад, а подчас и разрушение экономической инфраструктуры целого ряда регионов.

Таким образом, под воздействием объективных и субъективных факторов с экономической, политической и историко-культурной сцены Евразии сошла уникальная — по существу, первая — структура транс-континентальной и межнациональной интеграции.

Однако, исчезнув, она оставила неизгладимый след в истории и культуре многих народов. Вдоль трасс Великого шелкового пути выросли удивительные по красоте и богатству города, пережившие своего «прародителя» на долгие века.